

Наименования морей и рек в текстах заговоров

Н. И. ЛАПИЦКАЯ

В заговорах очень сильно индивидуально начало: «обращаясь к помощи заговоров, заказчик исходит из своего Я, но, пройдя через все заговорные фильтры, из своего профанического локуса до священного латырь-камня на острове Буяне, он обнаруживает свою неотличимость от любого другого, оказавшегося на этом месте и через долженствующее совершиться жертвоприношение приобщается к общему, универсальному, коллективному: частное вливается в общее, соединяясь с ним» [1, с. 84].

Проходя «заговорные фильтры», заказчик минует множество объектов, имеющих имена собственные (ИС). Эти объекты – мифолокаты и мифодендронимы, которые являются одной из составных частей заговорного пространства. К мифолокатам относятся, в первую очередь, названия географических объектов. В заговорных текстах они лежат на пути заговаривающего к центру мира, входят в заговорное пространство.

В эту же группу можно так же включить реальные географические названия, хотя, по определению А.В. Суперанской, мифонимы называют только вымышленные объекты, людей, животных, растения и т.д., «в действительности никогда не существовавших» [2, с. 180]. Однако реальные наименования в заговорах редко обозначают конкретный географический объект и приобретают в сакральных текстах иной, символический смысл.

Кроме того, частая утрата первоначальной семантики приводит к тому, что апеллатив сакрализуется, доводится до имени собственного и воспринимается как чистый знак – географический объект (сравн. ИС Океан, Буян и др.). При этом их первоначальная семантика учитывается лишь частично, что ведет к искажению в употреблении этого ряда слов.

По словам Ю.М. Лотмана, «понятие географического пространства принадлежит к одной из форм пространственного конструирования мира в сознании человека» [3, с. 112]. Древнему человеку был присущ синкретизм мышления, «пространство и время воспринимались им эмоционально, могли быть «добрыми и злыми», «благоприятными и враждебными» [4, с. 73]. В заговорах существует особое мифологическое пространство, построенное по определенной модели. Эта модель заполнена географическими объектами, которые должен «пройти» заговаривающий. Эти географические объекты – мифолокаты – наделяются именами собственными, что придает заговорному пространству законченный характер, хотя оно отражает композицию мирового дерева, реконструирует славянский миф о нем (см. об этом [5]).

Большинство заговорных текстов построено на том, что герой совершает перемещение в пространстве: «Это [...] переход, который пробует сделать через неведомую и часто враждебную местность, путь, открытый богами стремительному течению вод, переправа через природную преграду, короче говоря, дорога, куда не ходят просто, для одоления опасного, полного непредвиденных случайностей, пространства» [6, с. 74]. Герой покидает свой дом и движется к сакральному центру, где будет исполнена его просьба. Двигаясь к пространственному и временному центру, герой преодолевает несколько локусов: периферийный, средний, центральный (центр мира). Вышесказанное хорошо подтверждается словами А.К. Байбурина о том, что заговорное пространство «может быть описано как ряд вложенных друг в друга изоморфных и изофункциональных локусов, моделирующих, в конечном счете, центральный для всех локусов объект, который выполняет в ритуально-мифологической традиции роль мирового центра (мировое дерево, мировая гора, храм, город и т.п.)» [7, с. 128].

Все мифолокаты можно рассматривать в зависимости от локуса, в котором они представлены.

Объекты, которые проходит говорящий в текстах заговоров, в основном наделены именами собственными, отграничивающими заговорное пространство, придающими ему размеры морей, стран, городов, рек.

Объекты, которые проходит говорящий в текстах заговоров, в основном наделены именами собственными, отграничивающими заговорное пространство, придающими ему небольшие размеры.

Периферийный локус в заговорном пространстве представлен наименованиями морей, стран, городов, рек.

В текстах русских и белорусских заговоров встречаются следующие названия морей: рус. *Океан (Окиян, Окиан, Киян), Черное, Хвалынское, Белое, Астраханское, Чермное, синее море Елена*; бел. *Кіян, Кіянскае, Чорнае, Буян, Сіян, Кітай*.

Наиболее часто встречающимся наименованием моря в заговорных текстах является оним *Океан (Море-океан, Океан-море)*. Море-океан упоминается обычно в зачине или закрепке заговора: рус. «На море на Кияне, на острове Буяне [...] сидит раб Божий...» (РН, 295), «...Спрячу я свой мак в железную кадь, а брошу кадь в Окиан-море. Окиан-море не высыхает, кади моей никто не вынимает и маку моего никто не подбирает» (РЗ, 172), бел. «На моры, на кіяне стаіць дуб...» (Замовы, 70). *Океан-море* следует воспринимать именно как топоним, так как смысл апеллятива в данном случае утерян. В связи с этим может происходить перенесение этого географического наименования на другие географические объекты. В белорусских текстах заговоров *Океаном* может называться поле, гора: бел. «На полі на Кіянi, на моры, на Сіянi ляжыць камень Латыр...» (Замовы, 94), «...На моры на Сіянi, на гарэ Кіянi стаіць цэрква...» (Замовы, 51).

На наш взгляд, слово *океан* вошло в заговоры в позднюю эпоху бытования этого жанра устного народного творчества. Подтверждением этого могут служить белорусские тексты заговоров, в которых наличие понятия «море-Океан» совсем необязательно в зачине или закрепке текста. В белорусском материале чаще встречается словосочетание *синее море*, чем *Океан-море*. В большом количестве заговорных текстов слово *море* не имеет при себе эпитета или имени собственного. Довольно распространенной является также формула «на моры, на лукамор'і»: «На моры, на лукамор'і стаіць дуб...» (Замовы, 191). При этом в подавляющем большинстве случаев слово *океан* пишется со строчной буквы: «Замыкая на замок і брасая ключы ў мора-акіян пад камень Латар...» (Замовы, 56). Безусловно, в написании слов в текстах заговоров произошли многочисленные искажения, изменения. Но написание со строчной буквы фиксирует уже сборник Е. Романова. В то же время, слово *Каян* в качестве названия поля, острова, горы воспринимается как ИС, потерявшее связь с апеллятивом: бел. «На войстрови на Каяни бел камень ляжыць...» (Романов, 41).

В большинстве же русских заговоров слово *Океан* пишется с заглавной буквы и воспринимается как ИС: рус. «...Красную былинку метать буду за Окиан-море...» (РН, 299), «На Кияне море лежит камень Латырь; возле того камня Латыря стоит престол Пресвятой Богородицы...» (РЗ, 67).

Непоследовательность в использовании слова *океан* в текстах заговоров в качестве ИС объясняется тем, что «исконные апеллятивы, обозначающие элементы ландшафта, по мере включения их в конкретный локальный вариант мифа доводились до уровня собственных имен [...]. При этом могут возникать трудности, вызванные забвением первоначального апеллятивного характера собственного имени, которое могло применяться к разным денотатам...» [8, с. 109].

В употреблении такого мифолоката, как *Чёрное море*, видимо, проявляется народная этимология: Чёрное море – место, где обитает нечистая сила, поэтому оно и называется *Черным*. Именно из Черного моря выходят простоволосые девы-лихорадки: рус. «...При Чёрном море стоит столп каменный, и в том столпе отец Сисиний, и воззрев на море и виде – в море восхищается вода до облак, и из моря идут 12 жён простоволосых, диавольским видением окаянных...» [9, с. 158]. В этот локус ссылаются различные болезни, порча: бел. «...Я вас посылаю, порчу, ад етыва раба за мхі, за балоты, за ржаўцы-патопы, на Чорныя мора...» (Замовы, 54), «...но ты, цімяннэй зуб, ня будзь туп, паспішай туда [...] Я цібе пуваду на Чор-

ных моря. На Чорным моры там стаіць востраў. На том востраві ляжыць серы камень. Там ты стань, прыжавісь, вальною ты ўмывайся, рыбаю ты пітайся; толька рыбы еш тэй сорт, якей ня есць хрышчоны народ...» (Замовы, 190). На Черном море (наименование является в данном случае псевдогидронимом) в народном представлении, обитает нечистая сила: рус. «...В тёмном лесе есть Чёрное море, в Чёрном море есть плавает Чёрт да Чертуха, Водяной да Водянуха...» (РЗ, 126).

Высказанная мысль подтверждается тем фактом, что наблюдаются колебания в написании слова *чёрный* то с заглавной, то со строчной буквы: рус. «...При море чёрном столп...» [9, с. 161], «При мори чернем стояли архангел Михаил и св. мученик Сисиний» [9, с. 159].

Безусловно, упоминание данного онима в заговоре выполняет стилистическую роль усиления опасности назревших событий, указывает на угрозу места действия. Сравн. текст, основанный на контрасте символики белого и черного цветов: бел. «...На чорным моры, на белым камні стаіць каменны стоўб, у том стаўбе спасаліся угоднікі божыі...» (Замовы, 252).

Таким образом, Чёрное море в заговорах – это место, связанное с нечистой силой в связи с негативными представлениями о черном цвете. Отраженное в графике употребление слова как ойконима объясняется доведением его до уровня ИС в сакральном тексте.

Немногочисленным по употреблению является наименование *Хвалынское море*. Оним является старым названием Каспийского моря, происходящим, по мнению М.Фасмера, от имени народа хвалисы (Фасм. 4, 229). Можно предположить, что упоминание его в заговорах указывает на отдаленность какого-либо места, реализуя мифологическую оппозицию «свой – чужой»: рус. «Выкатило красное солнышко из-за моря Хвалынского, восходил месяц из-под синя неба, собирались облака издалека...» (РЗ, 179). Чаще всего название Хвалынское море встречается в заговорах «ратных людей, идущих на войну» (РН, 297, 298; РЗ, 178, 179). В этой связи уместно упомянуть сюжет сказки о воинах, которые хотят укрыться за Хвалынским морем, чтобы их не сумел найти Мамай [10, с. 317].

Наименование *Астраханское море*, которое встречается в собранном нами материале один раз в русском тексте, является, по нашему мнению, синонимом названия *Хвалынское море*: рус. «Из земли поганской, из-за моря Астраханского ползёт ползун змей Полоз...» (РЗ, 163). Название моря в данном случае дано по центру Астраханского ханства – Астрахани, имеющей непосредственную связь с Хвалынским (Каспийским) морем. Вероятно, в приведенном тексте имеет значение и эвфония: поганской – Астраханского.

Наименование *Чермное море* выполняет ту же функцию, что и псевдогидроним *Черное*: рус. «Стоит при Чермном море каменный столп и на том столпе сидит преподобный Сисой великий...» [9, с. 159]. Этимологически наименование *Чермное море* представляет собой кальку с греческого *Красное море* (Фасм. 4, 344). Безусловно, Чермное море в заговорах не имеет связи с реальным географическим объектом. Название имеет негативную окраску, видимо, в связи с тем, что наблюдается звуковое сходство со словом *чёрный*, что подтверждается единичностью рассматриваемого названия и, скорее всего, его случайным характером.

Гидроним *Белое море* также вряд ли можно пояснить через реальную примету как «покрытое льдом». Скорее всего, в данном случае актуализировалась символика белого цвета, связанная с представлениями о чистоте, святости. Текст заговора подтверждает это предположение: рус. «На море на Окиане, посреде моря Белого стоит медный столб, от земли до неба, от востока до запада, а в том медном столбе закладена медная медяница от болестей и от хворестей...» (РЗ, 37).

Трансонимизированное имя *Елена* встречается в заговорах от болезней. Оно дается персонифицированной стихии, представляющей собой, скорее всего, трансформацию восточнославянского языческого персонажа *Мокоши*: рус. «...под восточной стороной ходит матушка утренняя заря Маремьяна, мать сыра земля Пелагея, сине море Елена...» (РЗ, 34).

Реки в заговорных текстах имеют следующие наименования: рус. *Иордан, Смородина, Вага, Волга, Ока, Шорда, Цон, Китай, Двина, Настасея, Варварея, Парасковея*; бел. *Іардан (Ярдан, Ярдань, Іарданная, Ірдан, Ірдань, Ердань, Арданьская, Дунай, Смародзіна (Смуродзіна), Непр, Бесядзь, Сож, Чарналутка, Чарноедка, Сыбота, Міляўка, Дзяміда, Саламаніда, Маланка*.

Представленные наименования можно объединить в несколько групп:

1) Реальные гидронимы (потамонимы). Гидронимы данной группы единичны: бел. *Бесядзь* (Судник, 73; Замовы, 260) – река в Гомельской и Смоленской областях, *Сож* (Судник, 73; Замовы, 260) – река в Гомельской области, *Чарналутка* (Замовы, 260) – скорее всего, искаженное название *Чарнавутка* – река в бассейне Днепра [11, с. 391], рус. *Шорда* (РЗ, 159) – река в Архангельской области, *Цон* (РЗ, 53-54) – левый приток Оки, *Вага* (РЗ, 22) – левый приток Северной Двины, *Волга* (РН, 318; РЗ, 124), *Ока* (РЗ, 95).

Перечисленные наименования употребляются в заговорных текстах от различных болезней людей и животных, а также в охотничьих заговорах, что вполне закономерно: к ним обращаются за помощью, они близки и понятны, не вызывают опасения.

Обращение к рекам в заговорах не является случайным: «Наряду с другими природными стихиями, славяне-язычники обожествляли воду. Следы этого обожествления являются различные обрядовые игры типа русалий и традиционное почтительное отношение к воде. Обожествление воды лежит в основе языческого восприятия воды как целительной, магической силы, способной очистить и защитить от злых чар, от уроков и сглаза, от болезней и опасностей настоящих и будущих» [12, с. 73]. Но если у язычников все связанное с реками вызывало некоторый страх, то с приходом христианства появились апокрифы о райской реке, которая частично отождествлялась с Иорданом (см. [13, с. 38, 39]). Языческие представления сделали возможным обращение к рекам по именам. Показателен в этом плане следующий текст: бел. «...Вымывай жа ты (ўроцы) на Чарналутку-раку, а Чарналутка-рака ў Бесядзь-Аксюту, а Бесядзь-Аксюта ў Сож-Максім, а Сож-Максім у Непр, а Непр у мора, а мора ў акіян-мора...» (Замовы, 260). Рекам дается второе трансонимизированное имя, при помощи которого подчеркивается их особое почитание.

Форма *Непр* представляет собой фонетический вариант слова *Днепр* (в приведенном примере – Замовы, 260 – это подтверждается и географически). Сравн. также текст, в котором хорошо отражается направление «верх – низ»: бел. «...шла ты з моря у Чарноедку, с Чарноедки у Чарнолутку, а с Чарнолутки у Беседзь, а з Беседзи у Сож, а с Сожа у Непро, з Непра на моря, з моря у Сулуморья, а с Сулуморья у Ирдань ряку» (Судник, 73).

2) Гидронимы, потерявшие связь с реальными географическими объектами и приобретшие значение «река вообще». В данную группу, в первую очередь, относится название *Дунай* (Замовы, 82, 246). В заговорах оним имеет сакральный характер и обозначает любую реку, реку вообще, исходя из значения апеллятива рус. «ручей», польск. *dunaj* «стоячая глубокая вода», старопольск. *dunaj* «далекая, незнакомая река», укр. *дунай* «разлив, большой поток» [14, с. 111]. В белорусской заговорной традиции наименование *Дунай* отражает представления о чем-то идеальном, прекрасном: бел. «Добры дзень, Дунаю, я к табе прыбываю не за вадою, а за малаком, маслам, сырам і тварагом тваім...» (Замовы, 82). Кроме того, Дунай, как и любая река, – это граница, за которой начинается опасность: бел. «...сайдзі, каўтун, на высокія ляса, за крутыя горы, за глыбокія Дунаі, за шырокія межы...» (Замовы, 246). Форма множественного числа *Дунаі* подтверждает обращение к «реке вообще». Подробно традиционно-фольклорная символика слова *дунай* рассмотрена Д.А. Мачинским (см. [14, с. 110-171]).

3) Вымышленные мифолокатывы. Река *Смородина* упоминается в заговорах от укушения змеи (РНБМ, 248; РЗ, 82; Замовы, 112, 123). Традиционно-фольклорный смысл данного ИС – «место разрешения конфликтов между силами добра и зла» [15, с. 212]. В заговорах эта река также связана с опасностью: рус. «На реке Смородине – калиновый мост: на том мосту стоит дуб-Мильян, а в том дубе змеиный гроб...» (РЗ, 82), бел. «...На сінім моры ды на востраўі бягіць рака Смародзіна; чэраз тую раку ляжыць дуб гнілы, дуплясты, а ў том дубі сядзіць цар Сакатын...» (Замовы, 112). Подробно это ИС рассмотрено Т.Н.Кондратьевой, которая видит в нем «поэтическое представление, заключающее общее понятие олицетворения слова «смород» в его многозначности: резкий по запаху, знойный, смрадный, смердящий предел, за которым жизнь и смерть» [15, с. 213].

4) ИС, связанные с библейскими мотивами. В данную группу вошло наименование *Иордан* и его варианты: рус. *Иордан* (РН, 298, 311), бел. *Ирдань* (Замовы, 43, 291, 352), *Ярдан* (Замовы, 60, 157), *Ярдань* (Замовы, 192, 316), *Иардан* (Замовы, 161), *Иардань* (Замовы, 189), *Ердань* (Замовы, 379), *Арданьская вада* (Замовы, 61), *Иарданная крыніца* (Замовы, 86). «По христианским представлениям – это райская река. В переводе с еврейского обозначает «та,

что течет вниз». Река протекает в глубокой расщелине и впадает в Мертвое море» [15, с. 92]. В заговорах может подчеркиваться святость и сила этой реки: бел. «...Слаўная рака Ірдань Саламаніда, ты ішла па святым гарам, па жоўтым піскам...» (Замовы, 291). Тематика заговоров при этом очень разнообразна: от различных болезней, от нечистой силы, на путь-дороженьку, на сохранение любви.

5) Трансонимизированные имена: рус. *Настасея, Варвара, Парасковья*, бел. *Дзяміда, Саламаніда, Маланка*.

Abstract. Names of seas and rivers in the texts of charms are considered in the paper.

Литература

1. Топоров, В. Н. Об индоевропейской заговорной традиции (Избр. главы) / В.Н. Топоров // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. – М.: Наука, 1993. – С. 80-103.
2. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
3. Лотман, Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. О русской литературе: Статьи и исследования. – СПб.: «Искусство – СПб», 1997. – 848 с.
4. Лавонен, Н. А. О древних магических оберегах (по данным карельского фольклора) / Н. А. Лавонен // Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами: сб. научн. трудов. – Л.: Наука, 1977. – С. 73-81.
5. Топоров, В.Н. О статусе и природе заговора: Теоретический аспект / В.Н. Топоров // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора: Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму: в 2 ч. – М.: Институт славяновед. и балканист. АН СССР, 1988. – Ч. 1. – С. 22.
6. Лисюк, Н.А. Ой на морі, на мар яні... / Н.А. Лисюк // Язык и культура. Третья международная конференция: доклады. – Киев, 1994. – Ч. 1. – С. 67-79.
7. Байбурин, А.К. Восточнославянские гадания, связанные с выбором места и нового жилища / А.К. Байбурин // Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. – Л.: Наука, 1977. – С. 123-130.
8. Иванов, Вяч. Вс. Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян / Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев: Методология и историография. – М.: Наука, 1976. – С. 109-128.
9. Ветухов, А. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова (Из истории мысли) / А. Ветухов. Вып. 1-2. – Варшава, 1907. – 522 с.
10. Афанасьев, А.Н. Народные русские сказки: собр. соч. в 3-х т. / А.Н. Афанасьев – М.: Худож. лит., 1957. – Т. 3. – 505 с.
11. Блакітная кніга Беларусі: Энцыкл. / Беларус. Энцыкл.; рэдкал.: Н. А. Дзісько і інш. – Мінск: БелЭН, 1994. – 415 с.: іл.
12. Варбот, Ж. Ж. Заметки по славянской этимологии (укр. кучубей, русск. настырный, измываться) / Ж. Ж. Варбот // Этимология. 1968. – М.: Наука, 1971. – С. 68-78.
13. Агеева, Р. А. «Царь-водица» в заговорах восточных славян / Р. А. Агеева // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора: Тезисы и материалы к симпозиуму: в 2 ч. – М.: Институт славяновед. и балканистики АН СССР, 1988. – Ч. 1. – С. 38-39.
14. Мачинский, Д. А. «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии / Д. А. Мачинский // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. – Л.: Наука, 1981. – С. 110-171.
15. Кондратьева, Т. Н. Собственные имена в русском эпосе / Т. Н. Кондратьева. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1967. – 245 с.